

Шерлок Холмс в Америке. К 150-летию Конан-Дойля.

“Радио Свобода”, 18.05.2009

Юбилейный разговор про то, про сё.

Александр Генис: Исполняется 150 лет со дня рождения Артура Конан-Дойля. Трудно найти другой литературный юбилей, который с таким искренним энтузиазмом отметят все без исключения читатели. Чтобы принять участие в празднествах по эту сторону океана, наш корреспондент Владимир Абаринов подготовил подробный отчет о приключениях Шерлока Холмса и его создателя в Америке.

Владимир Абаринов: Сэр Артур Конан Дойл никогда не скрывал, что начал сочинять детективы под впечатлением от рассказов Эдгара Аллана По. Вот его собственные слова, записанные BBC.

Артур Конан Дойл: Читая кое-какие детективные рассказы, я был поражен тем, что раскрытие преступления в них – дело случая. Но я, разумеется, принял блестящие рассказы Эдгара Аллана По. Он написал их всего три, но они стали образцами жанра на все времена. Я подумал, что было бы недурно попробовать свои силы в сочинении истории, герой которой будет исследовать преступление так же, как доктор Белл исследовал болезнь, и где не будет места случайному стечению обстоятельств. Результатом стал Шерлок Холмс.

Владимир Абаринов: Доктор Джозеф Белл – прообраз Холмса, судмедэксперт, отличавшийся необыкновенной наблюдательностью. Эдгар Аллан По – создатель сы-

щика-любителя Огюста Дюпена, узнавшего тайну Мари Роже, раскрывшего убийство на улице Морг и отыскавшего похищенное письмо.

Но как в таком случае быть с мнением самого Шерлока Холмса? В повести “Этюд в багровых тонах” знаменитый сыщик высказывается о своем коллеге крайне пренебрежительно.

Диктор: “Вы напоминаете мне Дюпена у Эдгара Аллана По”, - говорит доктор Ватсон.

Владимир Абаринов: И получает раздраженный ответ:

Диктор: “Вы, конечно, думаете, что, сравнивая меня с Дюпеном, делаете мне комплимент. А, по-моему, ваш Дюпен - очень недалекий мальй. У него, несомненно, были кое-какие аналитические способности, но его никак нельзя назвать феноменом, каким, по-видимому, считал его По”.

Владимир Абаринов: По поводу этого мнимого разночтения у Конан Дойла есть стишок под названием “Непонятливому критику”, переведенный Мариной Бородинской:

Диктор:

С этим смириться, наверное, следует:

Глупость людская предела не ведает.

Бедный мой критик! Меня он корит

Фразой надменной, что Холмс говорит:

Будто Дюпен, мол, созданье Эдгарово,

В сыске - приверженец метода старого.

Или впервые ты слышишь, приятель,

Что не тождествен созданы создатель?

Тысячу раз похвалы вдохновенные

Мистеру По расточал и Дюпену я,

Ибо и впрямь мы с героем моим
Многим обязаны этим двоим.
Холмса же вечное высокомерие -
Это уж вовсе иная материя.
В книгах такое бывает порой:
Автор серьезен - смеется герой.
Уразумей же, уняв раздражение:
Кукла моя - не мое отражение!

Владимир Абаринов: У Конан Дойла были и другие американские предшественники. Громкую славу на поприще криминальной литературы снискала американка Анна Кэтрин Грин, с которой в 1894 году, будучи в Америке, Дойл искал встречи. Состоялась ли она – неизвестно, но переписка на эту тему сохранилась.

Американские мотивы постоянно присутствуют в произведениях Дойла. Злодеи из “Этюда в багровых тонах” - американские мормоны, из “Пяти апельсиновых зерен” - куклусклановцы. Героиня “Пляшущих человечков” Илси Кьюбит и ее воздыхатель чикагский бандит Аб Слени – тоже американцы. Повесть “Долина страха” написана на основе реального дела в Пенсильвании, раскрытого американским сыскным агентством Пинкертона. Героиня “Скандала в Богемии”, женщина, перед чарами которой не устоял Холмс и которая в итоге переиграла его – американка Ирэн Адлер. Наконец, в рассказе “Его прощальный поклон” Шерлок Холмс сам отправляется в США, дабы внедриться в тайное ирландское общество, вернуться в Англию патентованным англофобом и дать себя завербовать немецкому шпиону.

Американцем был и первый исполнитель роли Шерлока Холмса на театральных подмостках Вильям Джиллет,

игра которого очень нравилась самому Дойлу. Именно Джиллет первым надел кепи, которое англичане называют шляпой для оленьей охоты, и взял в зубы изогнутую крючком трубку, тем самым создав канонический образ Холмса. Сейчас мы услышим единственный сохранившийся фрагмент бродвейского спектакля с участием Вильяма Джиллета. Он был записан в 1939 году, когда Джиллету было уже 82 года. В тексте легко угадывается диалог из “Скандала в Богемии”. Воспользуемся переводом Надежды Войтинской.

Ватсон: Как поживаете, Холмс? Рад вас видеть.

Холмс: Семейная жизнь вам на пользу. Я думаю, Ватсон, с тех пор, как я вас видел, вы пополнили на семь с половиной фунтов.

Ватсон: На семь.

Холмс: Чутьочку больше, уверяю вас. И снова практикуете, как я вижу. Вы мне не говорили, что собираетесь впрячься в работу.

Ватсон: Так откуда же вы это знаете?

Холмс: Я вижу это, я делаю выводы. Например, откуда я знаю, что вы недавно сильно промокли и что ваша горничная большая неряха?

Ватсон: Дорогой Холмс, это уж чересчур. Правда, что в четверг мне пришлось быть за городом и я вернулся домой весь испачканный, но ведь я переменял костюм, так что от дождя не осталось следов. Что касается Мэри Джен, она и в самом деле неисправима, и жена уже предупредила, что хочет уволить ее. И все же я не понимаю, как вы догадались об этом.

Холмс: Проще простого! Мои глаза уведомляют меня, что с внутренней стороны вашего левого башмака, как раз там, куда падает свет, на коже видны шесть почти па-

раллельных царапин. Очевидно, царапины были сделаны кем-то, кто очень небрежно обтирал края подошвы, чтобы удалить засохшую грязь. Отсюда я, как видите, делаю двойной вывод, что вы выходили в дурную погоду и что у вас очень скверный образчик лондонской прислуги. А что касается вашей практики, - если в мою комнату входит джентльмен, пропахший йодоформом, если у него на указательном пальце правой руки черное пятно от азотной кислоты, а на цилиндре - шишка, указывающая, куда он запрятал свой стетоскоп, я должен быть совершенным глупцом, чтобы не признать в нем деятельного представителя врачебного мира.

Ватсон: Изумительно!

Холмс: Элементарно, дружище, элементарно!

Владимир Абарин: Так называемый канон Шерлока Холмса состоит из четырех повестей и 56 рассказов. Но апокрифов или пастишей, то есть произведений о Холмсе, написанных другими авторами – великое множество. В США вышла целая антология “Шерлок Холмс в Америке”. А лауреат Пулитцеровской премии прозаик Майкл Шейбон написал роман “Закрытое дело”, в котором Холмс появляется уже в преклонном возрасте.

Майкл Шейбон: Первым писателем, которым я по-настоящему увлекся, был Конан-Дойл, и особенно его рассказы о Шерлоке Холмсе. И первый рассказ, который я написал в своей жизни, был о Шерлоке Холмсе. Это был пастиш, на который меня вдохновил Николас Мейер своим романом “Семипроцентный раствор”. По-моему, мне тогда было 10 или 11 лет от роду. Я решил написать мои собственные приключения Шерлока Холмса. Рассказ назывался “Реванш капитана Немо”. Он до сих пор хранится в коробке у меня на чердаке. Так что для меня это было как бы

возвращением в детство. Но, между прочим, в книге Шерлок Холмс ни разу не назван по имени.

Владимир Абаринов: В романе Николаса Майера Шерлок Холмс встречается с Зигмундом Фрейдом. Но это далеко на самый экстравагантный сюжетный ход эпигонов Дойла.

Майклу Шейбону принадлежит ироническое эссе о современных шерлокианцах, то есть исследователях-любителях. Один из таких любителей, нотариус Лесли Клингер из Лос-Анджелеса, недавно выпустил “Новое аннотированное издание Шерлока Холмса”.

Лесли Клингер: Это игра, в которую, как сказала Дороти Сэйерс, надо играть с такой же серьезностью, с какой англичане играют в крикет. Но я считаю, что шерлокианство обогащает тексты Дойла. Когда мы подходим к ним с точки зрения историка или культуролога, мы окружаем их контекстом и в итоге узнаём гораздо больше о викторианской эпохе.

Владимир Абаринов: Дороти Сэйерс – английская детективная писательница, один из родоначальников современного шерлокианства.

Майкл Шейбон считает, что шерлокианцы подчас заигрываются и перестают различать вымысел и реальность. И это прекрасно, считает Шейбон: “Все романы - повторения, заимствовать у других – блаженство”. Шейбон видит в шерлокианстве прообраз нынешних социальных сетей в Интернете, модель современной популярной культуры, которая теперь всегда интерактивна.

Америка предстает в текстах Дойла как земля беззакония. Слуги закона там подкуплены бандитами. Преследуемые гангстерами или религиозными фанатиками, жертвы американского преступного мира ищут защиты за-

кона на Британских островах и чаще всего получают ее. Но при внимательном чтении выясняется, что Холмс и сам сплошь и рядом пренебрегает законом: он тайно проникает в чужие дома, бесцеремонно изымает улики, милует преступников по собственному усмотрению, а иногда, как в “Пёстрой ленте”, карает злодея его же оружием, причем скрывает от следствия истинную причину смерти.

Бывший глава Скотланд-Ярда сэра Роберт Андерсон, как видно, уязвленный образом недалекого и самодовольного инспектора Лестрейда, написал в 1903 году статью, в которой привел примеры логических натяжек и несообразностей в историях о Холмсе. Андерсон пишет:

Диктор: “До чего же хорошо, читая Конан Дойла, наблюдать, как точно подходят ключи Шерлока Холмса к замкам Шерлока Холмса, как неизменно дважды два равно у него четырем. Однако в реальной жизни ключи порой не соответствуют замочной скважине или просто теряются, а дважды два вдруг почему-то равняется двадцати двум”.

Владимир Абарин: Установить личность преступника не так уж сложно, утверждает Андерсон. Куда сложнее собрать улики, изобличить его – здесь закон стоит на страже презумпции невиновности. Но Холмсу эти трудности неведомы. Вспомним хотя бы тот же “Прощальный поклон” - сцену, где Холмс и Ватсон связывают разоблаченного агента немецкой разведки. “Вы - частное лицо, - говорит Холмс шпиону. - У вас нет ордера на мой арест”. Холмс с этим соглашается. Немец продолжает: “Если я вздумаю позвать на помощь, когда мы будем проезжать деревню...” “Дорогой сэра, - перебивает его Холмс, - если вы вздумаете сделать подобную глупость, вы, несомненно, нарушите однообразие вывесок наших гостиниц и трактиров, прибавив к ним еще одну: “Пруссаки на веревке””.

Среди читающей английской публики в 1917 году, когда еще шла мировая война, эта фраза могла иметь успех, но она совершенно невозможна в реальной правоприменительной практике правового государства.

Именно на необходимости точного соблюдения процессуальных норм построена интрига многих эпизодов популярнейшего американского полицейского телесериала “Закон и порядок”. Пусть на рукоятке ножа отпечатки пальцев арестованного, а на лезвии – кровь жертвы; если улика получена незаконно, она не будет приобщена к делу.

Холмса такие “мелочи” не останавливают. Он, несомненно, одобрил бы действия Глеба Жеглова, который подсовывает чужой кошелёк в пиджак карманнику, чтобы получить от него нужные показания, а когда показания получены, соглашается не составлять протокол о кошельке.

О криминалистике стоит сказать особо. В распоряжении тогдашнего следствия было не так уж много научных методов изучения улик, но даже те, какие были, Холмсу не требуются. Холмс может отличить пепел гаванской сигары от пепла манильской и определить породу собаки по следам клыков на трости, но главная его сила – сила логики, интеллект. Вот короткий фрагмент диалога доктора Мортимера, Холмса и Ватсона из “Собаки Баскервильей”:

Доктор Мортимер: Считая вас вторым по величине европейским экспертом...

Шерлок Холмс: Вот как, сэр! Разрешите полюбопытствовать, кто имеет честь быть первым?

Доктор Мортимер: Труды господина Бертильона внушают большое уважение людям с научным складом мышления. Надеюсь, сэр, что я не позволил себе излишней...

Доктор Ватсон: Так, самую малость.

Владимир Абарин: Альфонс Бертильон – служащий парижской префектуры, разработавший целый ряд приспособлений и методов криминалистики, самый главный из которых – метод установления личности по отпечаткам пальцев. В рассказе “Подрядчик из Норвуда” Холмс впервые в своей практике сталкивается с такой неопровержимой уликой, как отпечаток пальца. Вот фрагмент из радиоспектакля, где Холмса играет Ростислав Плятт, а Лестрейда – Борис Иванов. Спектакль называется “Триумф Скотланд-Ярда”:

Лестрейд: Посмотрите на него в лупу, мистер Холмс!

Шерлок Холмс: Смотрю.

Лестрейд: Вам известно, что во всем мире не найдется двух одинаковых отпечатков пальцев?

Шерлок Холмс: Кое-что слышал об этом.

Владимир Абарин: “Кое-что слышал об этом”. Передовой инспектор Лестрейд торжествует. Но, как выясняется, рано. Отпечаток оказывается ложным следом.

Лестрейд: Но как отпечаток мог оказаться на стене?

Шерлок Холмс: Я думаю, дело обстояло так. Когда Олдейкр с Макфарлейном разбирали бумаги, Джонас Олдейкр мог подсунуть юноше конверт, а тот, запечатывая его, нажал на мягкий сургуч большим пальцем. Он мог сделать это произвольно и тут же забыть об этом. А может быть, Олдейкр и не подсовывал, а все получилось само собой, и он сам не ожидал, что отпечаток сослужит ему такую службу. Но потом, сидя у себя в норе и размышляя, он сообразил, что с помощью отпечатка можно состряпать неопровержимую улику против Макфарлейна. А уж снять восковой слепок с сургуча, уколоть палец иглой, выдавить на воск несколько капель крови и приложить к стене в

прихожей - собственной ли рукой, или рукой экономки - особого труда не составило. Держу пари, среди бумаг, которые захватил с собой в убежище наш затворник, вы найдете конверт с отпечатком большого пальца на сургуче.

Лестрейд: Изумительно!

Владимир Абаринов: Не берусь судить, насколько правдоподобна версия Холмса, но опровержение неопровержимой улики – характерный для детектива сюжетный ход. Конан Дойл, видимо, считал, что современная криминалистика убивает жанр и нашел способ поставить под сомнение выводы науки.

Современному детективу криминалистика не мешает. Более того: криминалист часто становится главным действующим лицом повествования. Один из таких образов создала американка Патриша Корнуэлл. Постоянная героиня ее детективных романов – судебно-медицинский эксперт Кей Скарпетта. Но научные методы исследования улик ни в коей мере не заменяют и не отменяют необходимости думать и рассуждать. Это и есть наследие Артура Конан Дойла.
